

Пробуждение было... тяжелым. Вокруг была тишина и пахло травами. Станный запах, в детстве было похоже, когда я болел. Мама всегда приносила огромную кружку травяного отвара, щедро приправленного малиновым вареньем. Почему-то она серьезно считала, что такое сочетание мигом поднимет меня на ноги. И ведь поднимало! По крайней мере, выздоравливал я быстро. Да и болел не часто. Мама...

— Проснулся? — чужой, незнакомый и довольно грубый голос прервал все волшебство момента. Глаза моментально распахнулись и я попытался сесть. По нервам резануло болью, чтобы не застонать, пришлось до хруста сжать зубы.

— Да, Забуза-сан, — отвечаю на голых рефлексх и только после этого понимаю, что говорил на том же языке, что и непонятный мне мужик. Высокий, тощий и весь перебинтованный, но взгляд невольно подметил, что у него плавные, экономные движения опытного бойца.

— Тц! Говорил же, просто убей их, — чужой голос звучит недовольно, а внимательный взгляд рентгеном проходит по моему телу.

— Простите, Забуза-сан, — моментально отзываюсь... я?

— У тебя двое суток, после идем в Нами-но-Куни, — холодно прозвучало в ответ, и рядом со мной упал какой-то сверток. — Готовь лекарство, в этот раз я помогу его нанести и перебинтую.

— Конечно, — опять рефлекторный кивок. Тело двигается само, но... ощущения странные. Я отчетливо понимаю, что могу в любой момент изменить движения, но не хочу. Мне вдруг стало

интересно.

Руки как-то слишком привычно разворачивают сверток, а тело принимает удобную позу, а я только сейчас обращаю внимание, что лежал на футоне. Странно. Однако мысль не задерживается в голове. Сосредоточиться на чем-то одном тяжело. Я ничего не хочу делать, поэтому спокойно смотрю на отточенные действия своего тела, которое уже заканчивало перемешивать какие-то порошки с сильным запахом трав. Последним элементом шла вода, которая превратила все в неприятного болотного цвета жижу.

— Все, Забуза-сан, — уважительный поклон и я протягиваю тарелочку со смесью мужчине, тот без лишних вопросов ее у меня принимает. Несколько шагов и вот он останавливается у меня за спиной, начиная споро разматывать бинты, которые небрежно откидывает в сторону.

— Не двигайся, — холодно замечает он, стоило мне попытаться уйти от ледяных прикосновений. Я идиот! Ведь знал, что вода холодная... знал? Пытаюсь нащупать ответ, но он упорно ускользает. — Я закончил, отдыхай.

Тяжелая рука падает мне на голову, грубовато лохматя и без того спутанные (?) волосы? Это когда я завел шевелюру в лучших традициях трансов?! И почему я уверен, что всегда носил длинные волосы? Всегда? Голову пронзает боль. Перед глазами начинают мелькать картинки. Жизнь меня-Михаила и меня-Хаку.

Вот я вижу, как я-Михаил катается с громадной снежной горки на санях вниз. Разгон настолько силен, что санки летят далеко, минуя не только крутой склон, но и почти три десятка метров относительно ровной площадки внизу, выводя прямо на вершину речного берега, чтобы со всего маху вылететь на лед. До сих пор помню, как клацнули зубы, когда санки приземлились на лед. Повезло, что дело было на зимних каникулах и к тому времени толщина льда была не меньше метра. Ну и особым плюсом шло то, что на коньках там никто не катался, для этого было место ниже по течению, где была сделана небольшая дамба. Летом

там купались, а зимой использовали небольшое озерцо, как каток. Весело было. Мне в тот раз все завидовали, ведь больше никто не смог повторить мой подвиг и прокатиться так далеко и быстро. Даже я сам не смог, хотя и старался. До задубевших фуфайки и толстых штанов-дутиков. Да, что там! У меня даже нижняя часть свитера покрылась ледяной корочкой, а толстые валенки не спасали от холода. И как только не заболел после такого... чудо, не иначе.

Параллельно этому воспоминанию идет другое, где я-Хаку гордо несу обед своему отцу, который вместе с остальными зимой подрабатывал в каменоломнях. Это было очень почетно, ведь в Мизу-но-Куни деревьев было мало и вырубать позволялось не слишком много, поэтому все строилось из камня. Суметь попасть туда на зимнее время, считалось большой удачей, ведь деньги платили исправно, что позволяло нашей семье жить достаточно обеспечено. Летом выращивая рис и дайкон, а зимой зарабатывая деньги. Я-Хаку очень гордился находчивостью отца и старался ему помочь, каждый раз вызываясь отнести ему обед, а то и ужин. Самое интересное, что никогда не плутал, даже в самую лютую метель и снегопад. Наоборот, в такие дни мне было легче, ведь завистники оставались у себя дома и не могли помешать моей миссии. Ну, а снег? Что он? Для меня ажурные снежинки были друзьями, никогда не ранил, наоборот защищая от всех бед, исполняя небольшие просьбы, что позволяло выигрывать в снежных баталиях.

Декорации вновь меняются. Вот он я-Михаил, кусаю губы и стараюсь не реветь, смотря на наглухо заколоченный гроб, в котором привезли отца. Я отказываюсь принимать, что он умер, его больше нет рядом. До последнего верю, что это шутка и кто-то ошибся. Наверное, именно поэтому я и не принял его смерть, ведь я не видел тела, только темную громаду гроба. Тогда он мне показался чудовищно большим и... и черным. Невообразимо чужеродным на белом покрывале снега, казалось сам мир отвергал его, исторгая с неба огромное количество снежинок. Больших и холодных. Они быстро таяли на вынесенном из относительно теплых сеней гробе, замечая следы носильщиков. Хотя это было странно, в это время года снег идти был не должен, но шел, оплакивая вместе с мамой моего отца. Впрочем, не только со мной. Мама, родители отца и братья, в их глазах тоже было искреннее горе, а вот у большинства пришедших — нет. Большинству было все равно, а когда осунувшаяся мама отказалась собирать всех седьмой день после похорон, ее дружно осудили. Назвали черствой, скупой... за глаза, конечно, но на их беду при мне. Я в тот раз сильно взбесился и накинулся на злословящих с кулаками. Сильного ущерба не нанес, а когда меня дядька от них оттащил, кипя от возмущения рассказал, как все было. Для меня до сих пор остается непонятным, как из того бессвязного бреда дядька смог хоть что-то понять. Однако понял и больше я тех гнид в своем доме не видел. Даже на сороковой день, когда мама смогла собраться силами и устроить нормальные поминки.

Одновременно с воспоминанием похорон, приходит другое. Там я смеюсь рядом с красивой женщиной (мамой, приходит осознание), с важным видом помогая ей сажать ростки риса в воду. Умиротворяющая картинка, но ровно до того момента, как я-Хаку не решаюсь показать маме кое-что интересное. Я случайно это обнаружил, но теперь спешил похвастаться, складывая руки лодочкой и зачерпывая воду, которая через секунду стала красивым кристаллом льда. Огромные, испуганные глаза красавицы-матери запомнились мне надолго, как и то, что спустя неделю ее убил мой собственный отец у меня на глазах, под радостное улюлюканье своих «друзей». Просто зарезал, крича что-то про проклятую кровь. Страх стал для меня-Хаку катализатором. Я заковал замахнувшегося на меня мужчину в лед. Точнее, я весь дом превратил в кусок льда. Не опасного для меня, но мигом убившего всех остальных. Я испугался. Сильно, до дрожи в коленях. Перекошенные в ужас лица долго преследовали меня, бегущего прочь от места, где мой отец убил маму, а я за это убил его. Мной управлял ужас. Я не думал ни о чем. Сбежал прямо в том, чем был. С собой не взял ни денег, ни оружия. Ничего. Я должен был умереть, но не умер. Меня подобрал Забуза-сан.

Очередное воспоминание. Первые тренировки меня-Михаила. Жуткая боль после тренировок на гибкость, выносливость, растяжку. Даже нам, деревенским детям не чужающимся тяжелого физического труда, пришлось не сладко. В повседневности нужна была сила, голая мощь, а мастер учил нас гибкости, умению правильно распределять свои силы. Отрабатывать удары мы стали далеко не сразу, вначале он сделал все, чтобы минимизировать возможность травм. Ну, а после началось самое веселое — «набивка». Это надо попробовать самому, чтобы понять. Боль... это слово слабо отражает действительность. Болит синяк, а у нас... мы не просто ставили синяки, мы вновь и вновь били тем же самым местом по тренировочным манекенам. Больно это слишком слабое слово, чтобы описать наши ощущения на первых тренировках. Однако мы не сдавались. Сцепляли зубы и продолжали занятия, постепенно втягиваясь и даже получая удовольствия от процесса. Самым забавным, пожалуй, можно назвать то, что наставник не признавал большую часть современной экипировки тайского боксера, оставаясь приверженцем муай-борай. Я ему в этом благодарен, ведь он учил нас бою, а не просто красиво двигаться. Мы не развлекали толпу, а учились постоять за себя.

Тем удивительнее было наблюдать идущие параллельно воспоминания меня- Хаку, где я обучался у Забузы-сана. В первую очередь — послушанию. Мне вбивалось в голову, что я — оружие Забузы-сана. Не больше и не меньше. Моя жизнь принадлежит ему. Мои мысли и желания его собственность. У меня нет ничего своего. Это вбивалось планомерно и последовательно, подменяя ценности меня-Хаку, на то, что надо Забузе-сану. Он делал это идеально. Впрочем, не уверен, что у него был выбор, ведь он подобрал полностью сломленного

ребенка. У меня-Хаку к моменту встречи с ним, не было ничего кроме осознания, что это я убил отца, который убил мою мать. Детская логика была проста, маму убили из-за того, что я-Хаку показал свои умения превращать воду в лед. Вывод прост — ее убили из-за меня, это я своими действиями убил ее. Я-Хаку угасал от осознания своей вины, полностью утратив волю к жизни. Забуза-сан меня спас, дал цель, пусть и извращенную. Стал обучать. Жестко, требовательно, не прощая слабости. По сути, он из полного овоща создал личность. Научил выживать, но не смог избавить от слабости. Детская травма. Убийство родителей. Я-Хаку с трудом сражался против людей. Мне было тяжело убивать даже заядлых душегубов!

Новая волна воспоминаний, тут я-Михаил весело смеюсь с друзьями, договариваясь, что мы соберемся сразу же после Нового Года и хорошенько повеселимся. Действие происходит дома, как раз приехали сестры со своими еще женихами. Они отдыхают, а сестрам надо кого-нибудь попилить, да и повод нашелся. Я с друзьями шумлю, а елки дома еще нет и это тридцатого числа! Причем тут мой с друзьями хохот и елка, мы так и не поняли. Зачем нагружать меня, если есть два взрослых мужика — тоже. Однако на их сторону встала мама, которой тоже захотелось пушистую лесную красавицу. Вот и решили договорить обо всем на улице, заодно сходяв в ближайший лесок за елкой. В конце концов, разве десять километров это расстояние? Да еще на лыжах, наперегонки и в хорошей компании! Конечно, нет. Ну, а мне так вдвойне выгода, ведь елку срубить полдела, вы ее еще на лыжах до дома дотащите. Без лыж нельзя. Снежный наст не такой уж и толстый, под нашим весом проваливался, а сугробы были по два метра высотой! Потом не вылезешь... или вылезешь, это уже как повезет. Одно ясно, с елкой по сугробам не полазишь, вот и изображали из себя бурлаков, пока до нормальной дороги из леса ползли.

Параллельно веселой сценки с елкой у меня-Михаила, идет куда менее радостное воспоминание я-Хаку. В нем я выполняю задание по зачистке какой-то банды. Название громкое, свирепые чего-то там. Впрочем, название не так уж и важно. Главное, что детская травма меня-Хаку сыграла со мной злую шутку. Я не смог убить ребенка моего возраста, поверив ему, когда он бросил оружие, а сам отвлекся на другого нападающего. Зачем? Я уверен, что мог накрыть всю группу бандитов густым туманом, а когда они бы надышались пропитанным моей чакрой воздухом, просто его заморозить. Внутри и снаружи. Быстрая и даже не слишком мучительная смерть. Для чего я полез врукопашную? Из-за чувства вины, да? Как глупо. Поплатился я-Хаку сразу же. Бросивший оружие пацаненок вновь поднял клинок и ударил со спины. Умер, конечно, после этого сразу, я-Хаку перестал играть в благородство, ведь рана была серьезная и кровь удалось остановить далеко не сразу, а провал был недопустим. Забузе-сану это бы не понравилось...

Воспоминания прерываются резко. Как будто их отсекают. Я начинаю приходить в себя, все лучше и лучше ощущая тело, застывшее в неудобной позе. Похоже, Забуза-сан сюда не заходил, а если заходил, то не стал укладывать потерявшего сознание ученика/оружие. Разбираться кто я-Хаку для него, не было ни малейшего желания. Все заглушала боль и отчаянное желание пить да жрать. Последнее особенно. Самое противное, что тут же пришло понимание, что чтобы что-то пожрать, придется это что-то приготовить. Запасов у нас с Забузой-саном, было мало, в основном мы жили охотой и рыбалкой, плюс собираемые мною травы. Иногда заходили в города, но не часто. Почему-то Забуза-сан это делать не любил, опасался погони, которую за ним так и не выслали за прошедшее время. Впрочем, не удивительно, ведь у Ягуры были и другие проблемы, чтобы искать своего неудавшегося убийцу, давшего деру аж за море-океан. Я его в этом плане понимаю хорошо. Распылять силы, когда у тебя под боком действуют хорошо организованные повстанцы — верх глупости.

На пару секунд замираю, начиная осознавать свои мысли. Я-Михаил был изумлен, а вот я-Хаку просто растерян. Первый не мог понять откуда эти знания, а вот второй имея эти данные никогда о таком не задумывался. Он — оружие, его задача быть полезным, а не умным.

Дергаюсь. Боль отрезвляет, заставляет отвлечься от ощущения двойственности, что буквально раздирает на части. У меня появляется ощущение, что я схожу с ума! А мне еще рано, ведь мне нет даже двадцати дву... или пятнадцати? ААА! Черт! Не думать! Не думать! Вначале надо попить и поесть. Это первостепенная задача. После подумаю. Да. Обязательно.

Открываю глаза, безошибочно находя кувшин с водой, из которого брал воду для создания той бурды, что Забуза-сан нанес мне на рану. Дергаю рукой, зовя воду к себе. Она послушно вытягивается из кувшина, образуя почти идеальной формы шар и тот летит ко мне. Открываю рот и жадно пью прямо из повисшего в воздухе водного пузыря. Выпиваю почти все, оставляя буквально пару глотков, которые плюхаются мне на лицо, немного освежая. Становится легче дышать, горло больше не раздирает в кашле. Наваливается головная боль. Невольно закрываю глаза, пытаюсь переждать ее приступ. Бесполезно. Боль становится все сильнее и сильнее, пока сознание не стало меня покидать, погружая во тьму. Последним усилием подправляю свое падение. Рану нельзя задевать, иначе она будет долго заживать. Да и кровь от удара выделится. Вряд ли при таком раскладе Забуза-сан станет мне помогать, а отдирать присохший бинт — тяжело.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/56231/1434207>